

УДК 330.8
ББК 65.02
DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(1\).137-150](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(1).137-150)

Д. Я. Майдачевский
*Байкальский государственный университет
экономики и права.
г. Иркутск, Российская Федерация*

АВТОБИОГРАФИЯ КАК ИСТОРИКО-НАУЧНЫЙ ИСТОЧНИК И ЖАНР

Аннотация. Статья предваряет переиздание на страницах журнала «Автобиографии» А. А. Кауфмана, послужившей поводом для обсуждения ряда актуальных для историографии экономической науки вопросов: специфики анализа автобиографии как источника историко-научной информации, возможности ее рассмотрения в качестве самостоятельного жанра историко-научных работ или историографического подхода, степени рефлексивности автобиографических материалов в отношении их содержания.

Ключевые слова. А. А. Кауфман, историография экономической науки, научная рефлексия, жанр историко-научных работ, историко-научный источник.

D. Ya. Maidachevsky
*Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

AUTOBIOGRAPHY AS GENRE AND SOURCE FOR THE HISTORY OF SCIENCE

Abstract. The article precedes the journal's reedition of «The Autobiography» of Alexander Arkadieovich Kaufman. Such edition encouraged the discussion of a range of issues crucial for historiography of economics, namely, special features of autobiography analysis as a source for the history of science; possibility of its consideration as a separate genre of science history or historio-

graphical approach; the extent of autobiographical materials reflexivity with respect to its content.

Keywords. A.A. Kaufman, historiography of economics, reflection in science, genre of science history, historiographical approach, source for the history of science.

Использование в заглавии статьи понятия «жанр» не должно вводить в заблуждение: в историографии экономической науки применительно к автобиографии следовало вести речь скорее о «стиле» или просто «исследовательском подходе», а обращение к нему — не более чем дань сложившемуся пониманию автобиографии как особого литературного жанра или формы нарратива, отличных, например, от биографии. Несогласные с таким видением (и отождествлением своих научных занятий с литературным трудом) историки, уже не довольствуясь присовокуплением к автобиографии прилагательного «научная», стремятся заменить это общеупотребительное понятие терминологическими новообразованиями, более адекватно отражающими смысловое содержание и подчеркивающими абсолютный эгоцентризм свидетельств личного характера: *ego-document*, *self-testimony*, *first-person writing* [5]. Заменить (объединив, при этом, с мемуарами, дневниками и письмами личного содержания) по большому счету ради уже не формального, а содержательного отделения автобиографии, — создатель которой является одновременно и субъектом и объектом повествования, — все от той же биографии¹.

¹ Вслед за отделением автобиографии от биографии наступает черед раздела и самой автобиографии на «собственно автобиографию» и «историю жизни». Из них последняя становится фактически прибежищем «личностной рефлексии», тогда как первая — если и не вырабатывает историко-научного знания, то, по крайней мере, демонстрирует стремление автора занять нейтральную, отстраненную позицию, выступив в роли очевидца и свидетеля тех или иных событий или процессов [1].

Не прибегая к изобретению или заимствованию новых обозначений для свидетельств личного характера, историки экономической науки (мысли) поступают пока в этом отношении куда проще и «эффективнее». Научная биография по умолчанию причисляется к разделу истории науки и даже признается «древнейшим» способом ее изучения/изложения, хотя и играет на деле служебную роль, погружая последнюю — сосредоточенную на прошлом экономических идей — в контекст, помогая «объемнее и глубже понять процесс формирования школ и теорий в истории экономической науки» [13, с. 13]. Научная же автобиография на том основании, что ее материалы недостаточно рефлексивны в отношении их содержания, и, напротив, перенасыщены личностной рефлексией, априори исключается из числа «продуктов» историко-научного производства. Рассматриваемые в контексте выступающих объектом непосредственного интереса историков экономических теорий и концепций, автобиографические материалы признаются скорее затрудняющими, нежели облегчающими понимание процессов генерации и филиации идей. Свидетельствами, нуждающимися в осторожном с ними обращении, особенно в части обсуждения вопросов мотивации принятия тех или иных решений, причин или оснований тех или иных действий экономистов [19, р. 598]. Автобиографии, как производящей недостоверное, рефлексивное знание, противопоставляется в этом отношении биография как создающая «изображение» этого знания, снижающая степень рефлексивности и разрушающая с помощью исторических методов, к которым она прибегает, «автобиографические мифы».

Автобиографическим материалам, выведенным из числа историко-научных «продуктов», приписываются при этом «грехи» последних. И, прежде всего, грех «презентизма»: автобиография является прошлым, рассмотренным сквозь призму настоящего

или, по крайней мере, в свете более позднего опыта¹. Этим своим «грехом» научная автобиография обязана создателям — экономистам, в силу приобретенных инстинктов и своей социализации задающим прошлому иные, нежели историки экономической науки, вопросы. Обращаясь к прошлому от настоящего, авторы склонны соединять их непрерывной нитью повествования, логически. Однако, «историческое повествование не есть последовательность — сначала одного, потом другого, третьего и т.д. Скорее это сплетение множества историй в полотно, вовлекающее частное, а также условное, в контекстуализацию всех этих последовательных объектов. Историка интересует более масштабный, более многослойный рассказ, чем простое “я пришел, увидел проблему, которую потребовалось решить, и придумал, как это сделать”» [2, с. 45–46].

«Подозрительным» и ненадежным автобиографическим материалам отказывается, однако, в праве принадлежать и к числу «факторов», или источников, историко-научного производства. Сама структура и природа автобиографических свидетельств делает их «проблематичными» документами, созданными для неизвестных их изучающему целей и адресованных неисторикам. В силу чего остаются не до конца понятыми как мотивы их создателей, так и — в силу скудости словаря историка — само их содержание. В лучшем случае допускается предельно избирательный к ним подход: полезными и достоверными признаются только те, что не противоречат информации, почерпнутой из предварительно отобранных и изученных «основных продуктов» науки — теоре-

¹ Ретроспективный способ рассмотрения своей жизни заставляет историков экономической науки даже обращаться к достижениям когнитивной психологии для установления особенностей автобиографической памяти в поисках аргументов в пользу ненадежности автобиографических свидетельств [20, р. 4–9].

тических схем, аналитических приемов, моделей, документов экономической политики и т.д. [20, р. 8, 10]. В худшем — им разрешается выступать всего лишь «вторичными» источниками, используемыми при создании биографий уже не как «древнейшей», а как «вторичной» историко-научной продукции. Создавая же «серьезную историю», полагает Р. Вайнтрауб, следует относиться к свидетельствам личного характера как к «исходному материалу ограниченного применения» [2, с. 45].

Стремление историков экономической науки «дистанцироваться» от рефлексии — оправданное, если за ним скрывается соблюдение методологического запрета на восприятие самоописания науки в качестве ее объективного описания — на деле выливается зачастую в «дистанцирование» от одного из «трудных» объектов историко-научной реконструкции. Или же в нежелание или неумение увидеть научную рефлексию «как объект анализа, выделить из сопутствующих явлений, понять хотя бы на общем уровне ее природу, выработать методiku ее “препарирования” и исследования» [10]. Конечно же, история экономической науки не просто история, рассказанная самими учеными-экономистами, но это и не история движения неких абстрактных когнитивных сущностей — идей, теорий, концепций и т.д. Помимо реконструкции последних историку экономической науки следует, поэтому, включить в число своих задач и «адекватную реконструкцию» изменений научной рефлексии, т.е. «мнений ученого (или сообщества) относительно постановки научных проблем, критериев проверки, стандартов истинности и рациональности, специфики методов исследования в новых областях, целей и ценностей научного поиска и т.п.» [10].

Признание научной рефлексии законным объектом историко-научного изучения обязывает историков экономической науки не только расширить — за

счет документов личного характера — корпус источников, привлекаемых для целей «серьезной» реконструкции ее прошлого, или обновить арсенал историографических приемов работы с ними, поскольку в автобиографических, равно как и в научных текстах их будет интересовать «рефлексивная» составляющая. Пересмотру подлежит и отношение к ним (и к автобиографическим свидетельствам в первую очередь) всего лишь как к источникам историко-научной информации. На смену чему должны прийти их рассмотрение и, соответственно, работа с ними уже как с результатами историко-научного исследования, пускай и выполненного в автобиографическом (рефлексивном) жанре/стиле/подходе. Исследования, реконструирующего траекторию развития той или иной дисциплины или ее проблемной области, предлагающего «в́идение» этого процесса непосредственным участником познавательной деятельности — назовем ли мы его «историей экономиста» или «историко-научной/исторической/историографической рефлексией» (или «автобиоисториографией»). Историю, в лучших своих образцах не просто сдерживающую «полет воображения» занятых порой комфортной интерпретацией научных текстов историков науки, но побуждающую — если те обратились все же к реконструкции реальных исследовательских практик — к установлению причин неизбежно обнаруживающегося несовпадения их траекторий с траекторией, прочерченной научной рефлексией [10].

К числу подобных, т.е. выходящих за вайнтраубовское «пришел, увидел, сделал», образцов данного, подчеркнем, историко-научного жанра бесспорно относится публикуемая ниже автобиография выдающегося русского экономиста и статистика Александра Аркадьевича Кауфмана (1864–1919). Написанная ученым предположительно в 1913 г. для «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»,

составлявшегося С. А. Венгеровым¹, она уже использованием персонажного «он» — подчеркивающим надличный характер созданного им текста — вместо авторского «я» указывает на принадлежность к нему. И не столько смещает в данном конкретном случае границу между автобиографическим и биографическим жанрами в сторону последнего, сколько демонстрирует факт поиска ученым приемов «превращения» самоописания в объективное описание, приемов «дистанцирования» от рефлексии. К числу «жанрообразующих» признаков следует отнести и существование в рассматриваемой автобиографии отчетливой границы, отделяющей «историю жизни» от демонстрирующей стремление к объективности «истории научных интересов». Истории, не ограничившейся выделением областей последних (и организацией в соответствии с ними списка печатных трудов [15]), а содержащей призванные отразить вклад в развитие каждой из них продуманные формулировки теоретических и методологических его позиций.

За формулировками этими нетрудно обнаружить образцово реализованную А. А. Кауфманом установку создателя словаря, содержащуюся в разосланном «циркуляре» и адресованную «гг. ученым»: «сделать краткое резюме тех выводов, к которым они пришли в своих научных разысканиях. Вполне точно схватить и формулировать чужую мысль очень трудно и сплошь да рядом ученые претендуют на “извращение” своих мыслей даже со стороны лиц, в добросовестности ко-

¹ Со всей определенностью на этот год указывает в своем предисловии к первой публикации автобиографии И. Макаров, ссылаясь на то, что именно этим годом завершается и «история жизни» и перечень трудов автора [12]. Как на предположительный год ее написания — авторы-составители указателя к венгеровскому «автобиографическому собранию», подчеркивающие тем факт отсутствия указания на год в отложившемся в нем экземпляре автобиографии и сопровождавшей его переписке с С. А. Венгеровым [14, с. 486–487].

торых не может быть никаких сомнений. И вот во избежание этого мы и просим дать нам то, что у немцев называется и широко применяется во всех научных изданиях *Selbstanzeige* и *Selbstanalysis*, т.е. сжатое изложение сущности исследования, не вдаваясь, конечно, при этом в оценку, что уже составляет задачу редакции» [3]. Установку, которая быть может помимо замысла ее автора, всего лишь желавшего облегчить себе задачу составления словаря, подталкивала авторов к более критичному отношению к собственному творчеству, к взвешенным оценкам своего вклада в развитие тех или иных областей знания и к взвешенным же формулировкам претензий на «научную новизну» своих построений.

Рискнем утверждать, что, если и знакома научная биография А.А. Кауфмана экономистам или статистикам на протяжении вот уже почти столетия, то благодаря именно автобиографии и исключительно в ее формулировках. Отнюдь не разрушение «автобиографических мифов», а все те же взвешенные ее формулы обнаруживаем мы в скором времени увидевших свет текстах безоговорочно относимых к историко-научному жанру и посвященных ему словарной биографической статье¹ [9] и некрологе [4]. Лишь творчески переработанный и уточненный, но лишь в биобиблиографической, но не историко-научной части, ее текст находим в современных энциклопедиях [16; 17]. Тиражированием и распространением таких «автобиографических мифов» следует признать воспроизведение автобиографии уже в наши дни на страницах Электронной версии бюллетеня «Население и общество»

¹ Создатели указателя к венгерскому «автобиографическому собранию» полагали эту биографическую заметку в Новом энциклопедическом словаре (признаваясь, что не проводили специальных разысканий) единственным случаем публикации/использования материалов автобиографии. Сам факт ее появления объясняется сотрудничеством С. А. Венгерова с «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона.

Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ныне издается Институтом демографии НИУ «Высшая школа экономики») [6], как, впрочем, и подготовленное нами и публикуемое ниже ее переиздание.

Ничем иным как принадлежностью к лучшим образцам историко-научного жанра можно объяснить тот факт, что автобиография на правах оригинальной статьи включена в современный биобиблиографический справочник «История российской экономической науки в лицах» [8]. Дополнения, которые были сделаны оставшимся безымянным «автором», свелись к написанию не имеющей ничего общего с историей науки (да и биографией ученого) и венчающей текст фразы: «А. А. Кауфман умер в 1919 г. в революционном Петрограде, в условиях “военного коммунизма”, когда от голода и холода население города значительно сократилось» [8, с. 159]. Фразы, вычеркивающей не только из биографии ученого, но и из истории российской экономической науки шесть далеко не бесплодных лет его творчества и то влияние, что оно оказало на последующее ее развитие.

Обращение к научной автобиографии как историко-научному жанру не прошло для исследователя бесследно, не стало случайным событием в его насыщенной интеллектуальной жизни. В 1917 г. А. А. Кауфман получает предложение принять участие в подготовке сборника «Русская наука», в котором в форме сжатых очерков сообщались бы сведения о ходе развития и современном состоянии различных отраслей знания, взяв на себя труд написания статьи, посвященной статистической науке. В апреле следующего года Комиссия по изданию сборника получила от автора рукопись объемом в четыре печатных листа [18, с. 652]. Однако, как это неоднократно бывало и прежде, работа над рассчитанным на широкий круг читателей очерком вылилась в подготовку и написание моногра-

фии, на сей раз историко-научной, рассчитанной уже на профессиональное сообщество экономистов и статистиков. (Заметим, что предисловие к ней датировано февралем 1918 г., делая статью всего лишь «извлечением» из этой фундаментальной работы.)

И, что примечательно, работая над книгой, А. А. Кауфман решал те же проблемы, что вставали перед ним при составлении автобиографии: «Моя задача была дать историко-критический очерк русской статистической науки, выделив, конечно, лишь сколько-нибудь существенное в том или другом направлении и имеющее значение в развитии русской статистической мысли. Между тем, нет ничего труднее, как отнестись критически к самому себе, — ничего труднее, как оценить значение и роль своих собственных работ. Я, однако, стоял лицом к лицу с тем фактом, что мои работы затрагивают очень многие из существеннейших вопросов статистической теории и методологии, а потому считал, что поддаться естественному чувству авторской скромности и не говорить о своих работах значило бы поступить в решительный ущерб полноте трактовки предмета. Я, поэтому, везде, где нужно, говорю и о своих работах, причем по отношению к самому себе строго держусь или, по крайней мере, стараюсь держаться тона автореферата, не вдаваясь в какую-либо оценку, подобную той, какую я позволяю себе по отношению к другим работникам статистической науки. Если бы, однако, читатель нашел, что я отвожу при этом своим работам больше места, чем они того заслуживали, то я прошу читателя простить мне этот, во всяком случае, невольный грех» [7, с. 4].

Если не «грех», то вину следует, думается, возложить скорее на историю отечественной экономической науки, которая все эти годы, игнорируя научную рефлексию как объект своего изучения, упускала выпавший ей шанс на примере творчества А. А. Кауфмана обратиться к изучению феномена «разновекторно-

сти» научной рефлексии и реальных исследовательских практик. И это несмотря на то, что уже первый публикатор автобиографии на страницах «Вестника статистики» 1921 г. И. Ф. Макаров справедливо поднимал вопрос о необходимости развития и углубления «тех сторон в его биографии и деятельности, которых А. А. Кауфман или едва касается, или по присущей ему скромности слишком недооценивает» [12]. Между тем, «недооценка» эта была результатом отнюдь не одной лишь скромности, но и разнонаправленности научной практики и ее осознания, которая стала еще более очевидной, после того как творчество ученого привлекло внимание историков экономической науки. Так, например, в своей автобиографии тот настойчиво стремился встроить исследовательские практики «живой истории» в уже сложившиеся в исторической науке подходы. Реконструкция же траектории генезиса и развития указанной проблемной области, осуществленная пишущим эти строки [11], свидетельствует в пользу создания А. А. Кауфманом в рамках экономической науки самостоятельного направления дисциплинарной организации историко-экономического знания, отличного от сложившегося в пределах исторического направления в политической экономии. Представляется, что только двигаясь встречными курсами, т.е. реконструируя исследовательские практики ученых и их историко-научную рефлексию, с одной стороны, и развивая то направление историографии экономической науки, что связано с методологией историко-научных изучений, можно превратить научную рефлексию в законный и неперенный их объект.

Список использованной литературы

1. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя / М. Бургос // Вопросы социологии. — 1992. — Т. 1, № 2. — С. 123–130.

2. Вайнтрауб Р. Введение к истории мысли. Экономисты беседуют с экономистами — с точки зрения историка / Р. Вайнтрауб // О чем думают экономисты : Беседы с нобелевскими лауреатами / под ред. П. Самуэльсона, У. Барнетта ; пер. с англ. — М. : Моск. школа управл. «Сколково» ; Альпина Бизнес Букс, 2009. — С. 41-51.

3. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). — СПб. : Типо.-Лит. И.А. Ефрона, 1892. — Т. 3 : Бенни — Боборькина. — 444 с.

4. Ден В. Э. Памяти Александра Аркадьевича Кауфмана [Электронный ресурс] / В. Э. Ден // Economicus. Ru : сайт. — http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=./ru/kaufman/biogr/kaufman_b1.txt&img=brief.gif&name=kaufman.

5. Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: Важные обновления / Ю. П. Зарецкий [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. — 2012. — № 3. — С. 218-232. — URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/z18-pr.html>.

6. Кауфман А. А. Автобиография / А. А. Кауфман [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. — 2004. — № 179-180. — URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0179/nauka02.php>.

7. Кауфман А. А. Статистическая наука в России : Теория и методология : 1806-1917 : Историко-критический очерк / А. А. Кауфман. — М. : Центр. стат. упр., 1922. — 218 с.

8. Кауфман Александр Аркадьевич // История российской экономической науки в лицах : библиографический справочник / отв. ред. Г. Г. Богомазов. — М. : Проспект, 2014. — С. 154-159.

9. Кауфман, Александр Аркадьевич // Новый энциклопедический словарь / изд. Акц. об-ва «Изд. дело бывшее Брокгауз и Ефрон». — Пг. : Тип. «Акц. об-ва изд. дело б. Брокгауз-Ефрон», [1914]. — Т. 21 : Каринтин — Кнорринг. — Стб. 308-309.

10. Кузнецова Н. И. Научная рефлексия как объект историко-научного исследования / Н. И. Кузнецова [Электронный ресурс] // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования ; отв. ред. И. С. Ладенко — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 213-221. — URL : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000954/st004.shtml>.

11. Майдачевский Д. Я. «Живая» и «настоящая» история А.А. Кауфмана / Д. Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. — 2012. — Т. 13, № 2-3. — С. 103-120.

12. Макаров И. Автобиография А.А. Кауфмана. Предисловие / И. Макаров // Вестник статистики. — 1921. — № 5-8. — С. 260.

13. Нейман А. М. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж. М. Кейнса // Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. — М. : ИВИ РАН ; УРСС, 2002. — Вып. 8 : Персональная история и интеллектуальная биография. — С. 11-31.

14. Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова : Аннотированный указатель : в 2 т. Т. 1 : А-Л. — СПб. : Наука, 2001. — 640 с.

15. Список печатных трудов проф. А. А. Кауфмана // Вестник статистики. — 1921. — № 5-8. — С. 274-286.

16. Телицын В. Л. Кауфман Александр Аркадьевич / В. Л. Телицын // Отечественная история : энциклопедия : в 5 т. Т. 2 : Д-К / редкол. : В. Л. Янин (гл. ред.) и др. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1996. — С. 533-534.

17. Телицын В. Л. Кауфман Александр Аркадьевич / В. Л. Телицын // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.) : энциклопедия : в 2 т. Т. 1 : А-М. — М. : РОССПЭН, 2008. — С. 963-964.

18. Тункина И. В. К истории сборника «Русская наука» / И. В. Тункина // Комиссия по истории знаний. 1921-1932. Из истории организации историко-научных исследований в Академии Наук : сб. док. / сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. — СПб. : Наука, 2003. — С. 637-659.

19. Moggridge D. E. Biography and the History of Economics / D. E. Moggridge // A Companion to the History of Economic Thought / ed. by W. J. Samuels, J. E. Biddle, J. B. Davis. — Oxford : Blackwell, 2003. — P. 588-605.

20. Weintraub E. R. Autobiographical memory and the historiography of economics / E. R. Weintraub // Journal of the History of Economic Thought. — 2005. — Vol. 27, № 2. — P. 1-11.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky, Dmitry Yaroslavovich – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: maid1960@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Майдачевский Д. Я. Автобиография как историко-научный источник и жанр / Д. Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 1. — С. 137–150. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(1).137-150.

Reference to article

Maidachevsky D. Ya. Autobiography as genre and source for the history of science. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 137–150. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(1).137-150. (In Russian).